

СИНИЕ ЦВЕТЫ АЛЬБАРОССЫ

РАССКАЗ

Чудеса начались сразу, как только ракета опустилась на синий луг. Григорий приземлил ее на воздушной подушке: уже сотню лет инструкция требует при достаточной плотности атмосферы пользоваться компрессорами. Но при любом, даже сверхосторожном спуске воздушный столб срывает верхний почвенный слой, корабль садится в облаке пыли. Здесь ракета села, не подняв с поверхности ни пылинки, под каждой из ферролитовых лап шасси клонились синие живые цветы.

Борис и Григорий смотрели на них сквозь стекла иллюминаторов.

— Давление воздушной струн — четыре тонны на сантиметр, — сказал Григорий. — Можно было бы раздавить слона...

Цветы оставались целыми, нежными, с полупрозрачными лепестками.

Датчики показывали наличие кислорода, двадцать два градуса тепла по Цельсию и отсутствие в воздухе биогенных носителей.

— Мне прямо таки не терпится потрогать цветы руками! — ответил Борис. — Выйдем!..

— Подожди, — Григории включил приемник.

— Зачем? — Борис поднял недоуменный взгляд. — За восемь часов облета хоть бы кто охнул на наши вызовы...

— А что мы теряем? — сказал Григорий, глядя, как наливаются зеленью индикатор. Борис недовольно сопел у него над ухом, ему не терпелось ступить на почву планеты, — вечно жгучее желание от-

крывателей.

Верньер медленно, не считаясь ни с чьим желанием, двигался по шкале УКВ. В диапазоне четырех метров он наткнулся на звон.

— Слышишь? — спросил Григорий, останавливая планку и оборачиваясь к Борису.

— Но ведь этого не было! — воскликнул Борис.

— Не было, — согласился Григорий.

— Поет планета?..

Из решетчатого кружка динамика непрерывный, настойчивый лился звон. Теперь казалось, что звенит рой взбудораженных ос. Или миллион серебряных колоколец...

Планета была открыта лет тридцать тому назад — в пересчете на земные обыкновенные годы. Световые ракеты смяли привычное время, сделали его микрохрономом каждого отдельного корабля. Они же показали полную непригодность гигантских космических лайнеров, которыми увлеклось человечество в начале двадцать первого века. В Пространстве лучшими показали себя небольшие ракеты, с экипажем в два-три человека. Когда снаряжались комплексные экспедиции, в них входило до двадцати кораблей. Впереди ставились заслонные керамитовые ракеты, которые рассекали облака пыли, прокладывая туннель последующим, идущим за ними в нитку. Даже в двадцать втором столетии человечество еще приглядывалось к Пространству. Полеты были трудны, как

плавание на каравеллах, уходивших когда-то путями Колумба и Магеллана. Космос не давал человеку ни уютного света кают-компаний, ни широких экранов. Каждый полет требовал от космонавтов работы, выносливости и почти флибустьерской смелости и физической силы.

Седьмая комплексная экспедиция была направлена к Ригелю Ориона в 2111 году. У небольшой белой звезды, в четырнадцати парсеках от Солнца, экспедиция открыла голубую планету, с удивительно постоянным фоном: в атмосфере не было облаков, поверхность планеты казалась ровной, как бильярдный шар. Об открытии сообщили на Землю, попросили назвать планету Зарей. Понравился цвет: планета, наверно, была покрыта водой или синим туманом. Оказалось, что Заря есть уже в Кассиопее, а вторая Заря — в Павлине. В Космографическом Центре перевели название на латинский язык — Альба. Но и здесь открывателям не повезло: Альб оказалось шесть... Выход все же нашли: планете дали название Альбаросса, что было равнозначно Русской Заре. Это Седьмую звездную удовлетворило. Но исследовать планету тогда же не удалось — слишком далеким был путь до Ригеля. Исследование было поручено Девятой комплексной, тоже посланной к Ориону. Флотилия замедлила ход — кроме ракеты Григория Ломма: ему на исследование планеты было дано сорок часов. А потом предстояло догонять экспедицию в течение двух недель. Так навигатор Ломм и механик Борис Рожков оказались на Альбароссе.

Планета действительно была синей, как весеннее небо. Но не океан, и не дымка придавали ей синеву: от экватора до полюсов планета оказалась покрытой цветами.

— До безумия хочется подержать их в руках... — говорил Борис, налегая на рычаг гидросистемы, открывавшей выходной люк.

— Сейчас, сейчас... — сдерживал Григорий нетерпение друга.

Подъемник опустил их на цветочный ковер. Кабина открылась автоматически. Борис и Григорий вышли,

не закрывая однако за собой дверь.

Ни один, ни другой не знали, что ожидает их.

Борис тотчас опустился на корточки. Цветы были обыкновенные — синие колокольчики. Нет, не обыкновенные: их нельзя было сорвать — невозможно переломить стебель.

— Что они — проволокой прикручены?..

Борис рассматривал красную полосу на пальцах. Как обычно, он потянул стебель к себе, цветок наклонился, — Борис ощутил на руке влажность его лепестков, — но сорвать цветок не удалось: стебель, как струна, резал пальцы. Сейчас Борис дул на медленно бледнеющую полоску.

— Попробуй! — кивнул он Григорию.

Тот ничего не ответил, думал, что Борис дурачится: светлый прозрачный воздух, пьянящий большим количеством кислорода, солнце, синяя даль, похожая на спокойное море, рождали мальчишеское желание пуститься с Борисом вперегонки, плюхнуться в колокольчики и, задрвав рубаху, подставить спину теплему солнцу.

Борис повторил:

— Ты попробуй!..

Выбрав цветок покрупнее, Григорий потянул стебель к себе. Тонкая прохладная нить врезалась ему в пальцы.

— Да-а... — сказал он, отпустив стебель и шевеля пальцами.

— Что ты на это скажешь? — спросил Борис.

— То же, наверное, что и ты...

— Здоровенные парни, — развил его мысль Борис, — покорители космоса, не могут сорвать цветок с детской клумбы. Что скажут девушки?..

— Без иронии, Боря. Это не простые цветы.

— За двести лет никто не встречал цветочков на проволоке... — не унимался Борис.

—

Григорий вошел в кабину, загремел в ящике с инструментами. Вынес обыкновенные, испытанные на Земле и на космических трассах, кусачки. С трудом,

действуя в две руки, друзьям удалось перекусить стебель цветка.

— Один... — сказал Борис, держа цветок на ладони. — А ведь их — миллиарды!

Колокольчик лежал маленький, легкий, слегка охлаждал ладонь. На срезанном стебле блестела капелька сока. Друзья разглядывали его, как живое чудо, не сразу заметили звенящий звук, дрожавший над лугом. Звук был настойчивый, непрерывный, — такой же, как из приемника в корабле.

Они отошли от ракеты километра на полтора. Планета была меньше Земли, до горизонта — подать рукой...

— Дальше идти не стоит, — сказал Григорий. — Везде те же цветы.

Друзья остановились. Стенящий звон лился над бесконечным лугом.

— Их кто-то выращивает, — говорил Борис о цветах. — Такая планета не может быть необитаемой: солнце, воздух, тепло. Где же хозяева?..

Борис волновался. Григорий молчал: те же вопросы вставали и перед ним, а ответов не было.

Зато странностей было сколько угодно. Ровная поверхность планеты казалась сглаженной, а цветы — посеянными. За ними не было видно почвы: космонавты не могли до нее продрасться сквозь сетку переплетенных стеблей. При каждом шаге сетка пружинила, цветы не мялись, на них не оставалось следов. Как они получали питание, влагу, если над планетой не было облаков? Борис и Григорий убедились в этом за восемь часов облета.

— И я не уверен, что планета необитаема... — Григорий оторвался от моря цветов, взглянул на товарища.

Борис стоял, обернувшись назад, глаза его буквально лезли на лоб: от ракеты по направлению к космонавтам неторопливо шли два человека. Это были земные люди. Они шли, оглядываясь по сторонам, иногда останавливались, жестикулировали. Машинально Григорий отметил, что один из них в оранжевом свитере, другой в синем. И сейчас же он рассмотрел их черты. По синему лугу шли

Борис и Григорий... Они копировали жесты, походку Григория и Бориса — были их двойниками!..

Космонавты не отличались робостью: Борис делал четвертый рейс, Григорий — шестой. Но сейчас, при виде самих себя на чужой планете, под чужим солнцем, их взяла оторопь. Борис-второй, что шел от ракеты, остановился, высвобождая ботинок из жестких стеблей колокольчиков. Григорий-второй протянул руку, чтобы товарищ мог на нее опереться... Все это было проделано точно так, как проделали космонавты минут десять-двенадцать тому назад. Борис высвободил ногу и, повернувшись к Григорию, улыбнулся. «Сказал спасибо...» — вспомнил Григорий. И опять они, разговаривая, пошли по лугу.

— Может, я сплю, Григорий... — бормотал Борис, схватив друга за плечо.

Григорий чувствовал себя не лучше Бориса и, наверно, обратился бы с тем же вопросом к товарищу, не захвати у него дыхания от этого зрелища. Двойники подходили ближе. Они не глядели на Григория и Бориса: озирались по сторонам, оглядывали поле, цветы — словно не видели космонавтов или перед ними никого не было. С каждым шагом расстояние между ними и людьми сокращалось.

— Что же это, Гриша?.. — растерянно, по-детски, спросил Борис.

Оставалось пятьдесят шагов. Тридцать...

— Эй!.. — крикнул Борис.

Никакого эффекта. Двойники даже не взглянули на космонавтов.

— Стойте!

Двойники подходили. Григорий-второй улыбался, глянул на небо, — у настоящего Григория мурашки ползли по спине, — затем повернулся к Борису, сказал что-то, шевельнув беззвучно губами.

— Стойте!.. опять крикнул Борис.

Ничто не помогало. Осталось с десяток шагов. Борис угрожающе согнул руки в локтях, готовясь отразить нападение. Двойники не моргнули глазом. В жутком молчании подошли вплотную и — вошли, влились в живых людей.

Но не это оказалось самым пар-

шивым: от ракеты шла вторая пара — Борис и Григорий, а из подъемника выходила третья...

— Вот это влипли! — сказал Борис, отирая со лба капельки пота. — Что бы я не дал сейчас, чтобы очутиться на родном космодроме...

Тотчас, скрыв третью пару, ракету, перед людьми возник космовокзал — семиэтажное белое здание, с башенкой радиомаяка, знакомое космонавтам каждым окном, изгибом архитектурной линии. Борис оглянулся: позади, у линии горизонта, стояло несколько ракет, заправочные машины, поодаль — купола ангаров, где проводили осмотр и ремонт кораблей после возвращения, — все то, что Борис ожидал увидеть и что должно быть на космодроме Солнечный Гай в причерноморской степи.

Между тем двойники, вторая пара, подходившая к ним, были уже недалеко: опять Борис остановился, высвобождая ботинок. Григорий протянул ему руку. Борис-двойник улыбнулся, пошевелил губами... — Отойдем в сторону, — сказал Григорий, все еще чувствуя спиной холодок.

Они отошли, наблюдая за двойниками. Те как ни в чем не бывало приблизились к месту, где космонавты только что встретили первых своих двойников, остановились, словно в раздумье. Потом Борис-второй обернулся назад, рот его открылся от удивления:

— Увидел вторую пару... — комментировал Борис-настоящий и сплюнул: — Ну и рожа...

Григорий старался осмыслить происходящее, тоже следил за своим двойником, отмечая, что Борис абсолютно прав: физиономии у обоих были до отвращения глупыми. Вторая пара, повернувшись лицом к ракете, вернее, к фасаду призрачного вокзала, топталась на месте, поджидала третью пару, которая в это время вышла из стены здания. Потом, поглотив третью пару и беззвучно обменявшись словами, двинулась к Григорию и Борису, каким-то образом выделившись из третьей нары, которая теперь стояла на том же месте и ожидала чего-то, глядя на фасад здания.

— Где же ракета?.. — шепотом спросил Григорий Бориса.

Не успели стихнуть его слова, как ракета возникла на том месте, куда он глядел — у левого подъезда вокзала. Вторая ракета возникла в стене здания, куда глядел Борис. Рядом из стены вышла четвертая пара, в синем и оранжевом свитерах.

— Ну, с меня хватит!.. — Борис, не обращая внимания на двойников, ринулся к ракете. Григорий едва поспевал за ним.

Нижний люк корабля был открыт, подъемник распахнут, но когда Борис хотел взяться за дверцу рукой, он ощутил только воздух.

Через час на видимом пространстве синего луга стояло восемь ракет, часть улицы, на которой жил в Одессе Григорий, аллея пирамидальных тополей, а на всей территории, оранжевые и синие, бродили призраки. Друзья старались ни о чем не думать, ничего не желать. Они уже накопили опыт: стоило что-либо вспомнить — от вокзального здания космопорта до обыкновенной пуговицы, — все тотчас появлялось перед глазами, и уже не было никакой возможности от него избавиться. Так появились статуи пионера и пионерки, виденные Борисом в одном из уголков приморского парка, решетчатый щит кино-рекламы, клумба с цветущими флоксами, пара крутобоких морских валунов... С мелочью еще можно было мириться. Хуже, когда появлялись здания вроде вокзала. В стену запросто можно было сунуть руку, войти. Но удержать руку и удержаться в здании самому было нельзя: внутри были темнота и нестерпимый холод. Борис залетел с ходу в космовокзал, но тотчас выскочил обратно к Григорию: темнота поглощала звук, невозможно было определить, где остался товарищ. Попробовали они войти, взявшись за руки, но тут же потеряли ориентировку и вышли назад, на солнце, пожалуй, случайно. После этого с пат-часа наблюдали за двойниками, которые тыкались в стену и выскакивали обратно — зрелище не из приятных...

— Штука! — сказал Борис, встряхивая головой, будто отгоняя дурной

сон. — Что будем дальше делать?..

— Надо обойти вокзал. Ракета должна быть где-то за ним.

Двинулись вдоль фасада, свернули за угол здания. Но тут у них на пути вырос многоквартирный дом, вросший наполовину в вокзал; за домом поблескивал гофрированным алюминием ангар.

— Чертовщина! — выругался Борис.

Пришлось вернуться назад, к центральному входу в вокзал.

— Так мы сотворим себе заколдованный круг из домов и ангаров! — возмущался Борис.

— Ни о чем не вспоминай! — советовал ему Григорий.

Тотчас, скрыв левую часть вокзала, перед друзьями возник театр их космического городка: одна сторона оказалась ниже другой, будто театр перекосило землетрясением.

— Не могу! — Борис схватился за голову. — Гриша, не могу, понимаешь?..

— Возьми себя в руки!..

— Они нас задавят! — Борис указал на здания.

Нотка отчаяния в его голосе неприятно резала слух, но хуже, что Борис не замечал этого. Только не поддаваться страху, твердил Григорий себе, не поддаваться страху, пусть все это непонятно, но не поддаваться панике... В то же время он оглядывался по сторонам, ожидая чего-то, еще более непонятного. И это ожидание у него тоже рождало страх.

Солнце опустилось за горизонт, и без всякого перехода, словно взмахом крыла, космонавтов накрыла ночь.

— Хотя бы нам все это приснилось... — бормотал Борис, укладываясь спать на цветах рядом с Григорием.

Темнота спасла их от созданных ими призраков. Не стало видно двойников, бродящих по лугу, театра, тополевого аллеи.

— Хотя бы... — согласился Григорий, не находя слов, чтобы ответить товарищу, другая мысль билась в его мозгу: только бы насытно с ума...

Утро ничего не изменило в их положении. По-прежнему маячило здание космопорта, за ним — алюминиевый ангар,

салютовали мраморные пионеры. Все так же кружили по лугу призраки.

— Будьте вы прокляты... — с ненавистью погрозил им кулаками Борис.

— Надо пробиться к ракете ЛЮБЫМ путем! — жестко сказал Григорий.

— Как?..

Григорий снял с себя оранжевый свитер. Это был добротный шерстолавсановый свитер, сотканный из толстых волокон.

— Держи! — подал Борису и хладнокровно надрезав ткань, начал распускать свитер с воротника.

Получился солидный клубок, цветом похожий на апельсин.

— Теперь определим направление. Мы стояли вот так. — Григорий указал на удивленных голубчиков, стоявших на том месте, от куда космонавты впервые увидели двойников. — И смотри сюда, — Григорий кивнул на очередную пару, появившуюся из стены космовокзала. — Они идут от ракеты. Станем на их пути...

Было неприятно — становиться лицом к лицу с двойниками, ждать, пока они пройдут сквозь тебя. Но ничего другого не оставалось.

— Ну вот... — сказал Григорий, когда призраки пронизали их. — Вот и прошли... — повторил он, облегченно вздохнув, — но так, чтобы не заметил Борис: призраки прошли

105

бесшумно, неосяземо, и все же столкнуться с ними было неприятно до дрожи.

— Идиоты... — дернул плечами Борис, оглядываясь на двойников.

— Подойдем к стене... — Григорий намеренно не обратил внимания на выходку друга: ругать двойников имело столько же смысла, сколько просить солнце повернуть вспять. — Держи, — сказал он Борису, протягивая клубок. — И гляди, чтобы нитка была натянута.

Намотав конец нити на руку и согнув плечи, как против ветра, Григорий вошел в стену здания. Борис разматывал клубок ему вслед, замечая, что нить уходит в стену все медленнее. Четыре, пять мет-

ров, — нить повисла, прогнувшись. Борис натянул ее, но вот она дернулась раз, другой и упала вниз. Борис потянул с поспешностью, нить выпрямилась, но тут же упала снова, словно Григорий отступал, пятясь назад. Несколько раз он дернулся, пытаясь натянуть нить, прорваться вперед, потом нить ослабла, и из стены, боком, неуверенно вышел Григорий. Лицо его было синим от холода, глаза полны страха.

— Не пускает... — Григорий присел на корточки, тяжело дыша и растирая заочневшие руки. — Вышвыривает и давит страхом...

Борис глядел на товарища. Клубок и несколько витков оранжевой нити лежали на цветах. Солнце, поднявшееся над крышей космостанции, осветило клубок, запуталось в оранжевых петлях.

— Это все? — удивленно спросил Григорий, прикинув на глаз количество петель.

Стена вытолкнула второго Григория, с синим лицом и сведенными руками.

— Черт!.. — выругался настоящий Григорий, — у него тоже начали сдавать нервы, потянул в сторону Бориса. — Отойдем!

Они пошли прочь от стены космостанции. Григорий молчал. Борис ждал, не прерывая его молчания. В нем закипала злость. Горячий по натуре, прямой, он не терпел неясностей, тем более, необъяснимого.

Лететь к Ориону, бороться с космосом — двести лет космонавты борются, бывает, гибнут. Но там ясны причины и следствия: пески на других планетах, вулканы... А здесь — небо над головой, серебряный звон. И ты сам с собой, повторенный тысячу раз. Зачем это нужно? Кто даст ответ?..

— Мне казалось, — заговорил наконец Григорий, — что я блуждал в темноте бесконечно долго. Полная потеря чувства времени, понимаешь? Темнота не только поглощает свет и звук, — она растворяет время. И это страшнее всего. Я провалился в бездну, меня охватило страхом. Больше я ничего не помню, — только бесконечный ужас падения... В

космосе нелегко, но там хоть звезды, Борис. А здесь — ничего, кроме страха. Как ты меня вытащил, не понимаю... Там, по-моему, нет и воздуха, не помню, чтобы я хоть раз вздохнул...

Бессвязная речь Григория ничего не объяснила Борису. Он протестовал каждой жилкой своего тела против положения, в котором они очутились. Кто-то или что-то играло ими, игра была слишком неравной и неизвестно, чем могла кончиться. Борис видел беспомощность их, двоих, перед неизвестной планетой, они ничего не могли сделать. Это бесило его и еще более ослабляло перед лицом неизвестного. Наконец он прямо поставил вопрос:

— Ловушка, Гриша?..

— Не знаю, Борис. Ничего не знаю. Пробриться сквозь темноту к ракете нам не удастся. Надо искать выход к спасению в чем-то другом. Если это ловушка, то чья, зачем?..

Солнце неудержимо лезло к зениту. Сутки на планете были меньше земных на одну треть: восемь часов день и восемь часов ночь. Планета вращалась в плоскости экватора. Время было одинаковым на всех параллелях.

— Борис, — вдруг спросил Григорий.

— Что?

— Ты заметил, что двойники не дают тени?

Ни двойники, ни тополи, ни здания космопорта не отбрасывали и признаков тени.

Чертова планета, — выругался Борис. — Одни загадки!

— А еще, Борис, — продолжал спрашивать Григорий, — ты хочешь есть или пить?

— Нет, не хочу...

— А сколько прошло, как мы сюда прилетели?

— Сутки.

— Что же все это значит?

— Хоть убей... — начал Борис.

— Чужая жизнь, Борис, разумная жизнь. Вот он каким получился контакт с инопланетной разумной жизнью.

Григорий сформулировал то, что обоим стало понятно чуть ли не с первого

часа высадки на планету. Нелегко было признаться в этом во всеуслышание, признать, что никто из друзей этой жизни не понимает и не принимает. В чем смысл бесконечного кружения двойников? Темноты и безвременья внутри зданий? Что представляют собой цветы?.. За два столетия поисков разума во вселенной у людей выработался некий предполагаемый образец, стандарт разумного существа: братья по разуму чем-то должны быть похожими на людей, у них должны быть добрая воля, стремление к взаимному пониманию — сложился гомо-центризм. Правда, кое-кто в середине двадцатого века делал предположения, что носители разума не обязательно будут подобны людям, может быть, разум предстанет нам в виде плесени, пленки... Но такой взгляд не принимался всерьез. Утверждался и окончательно утвердился гомоцентризм. Тем более, что за все годы люди так и не встретились с разумом в космосе.

— Тогда будем рассуждать прямо, — сказал Борис, — зачем этой жизни превращать нас в игрушку, в беспомощных слизняков?

— Может быть, она испытывает нас на разум: как мы выпутаемся из этого положения.

— Ты хочешь сказать — экзамен?..

— Нелегкий экзамен, — согласился Григорий. — И нам, чтобы хоть в какой-то мере быть признанными, надо искать достойный выход.

— Хотел бы я знать — какой?

— Во-первых, не метаться, как захлопнутым крысам...

— Гм... — ответил Борис. — А во-вторых?

— Не предпринимать ничего враждебного.

— Ох, Гриша, — вздохнул Борис, — будь у меня в руках нейтронный пульсатор...

Не успел Борис произнести этих слов, как в руках у него блеснуло оружие. Это не было призраком: пульсатор оттягивал руки, на нем была личная монограмма Бориса «БР»; спусковой крючок стоял на предохранителе — как был поставлен в ракете.

Борис растерянно глядел на оружие.

— Брось... — тихо сказал Григорий.

— Бросить?..

— Брось! — повторил Григорий.

— А что, — сказал Борис. — Брошу.

Никогда не поздно будет поднять...

— И не думай о нем, — сказал Григорий, — уводя товарища в сторону. — Видишь ли...

Сказать в оправдание планеты можно было многое. Она могла уничтожить пришельцев по выходе из ракеты, могла не допустить корабль на поверхность, могла, ознакомившись с непрошенными гостями, умертвить их, развеять на атомы, задавить тьмой. И все-таки она ничего такого с ними не сделала. Она моделировала их до бесконечности, воплощала их мысли в зримый образ. В то же время планета не дала им погибнуть от жажды и голода. Почему они сыты — непонятно было обоим. Все непонятно в этом удивительном мире. Почему над планетой нет облаков? Почему не видно построек? Почему нет морей, водных бассейнов, а воздух не высушен, в нем нормальная влажность?.. Может быть, это сфера, футляр, вся жизнь спрятана в оболочку, как в скорлупу?.. А цветы? Что они — датчики, элементы энергосистемы, клетки гигантского мозга?..

Может, сама планета — разумное существо?..

— Как долго мы будем в этом плену? — спросил раздраженно Борис.

— Не знаю, — сказал Григорий.

— Что же нам делать?

— Ждать. И еще — думать, как выйти из положения. Не теряя лица...

Борис засмеялся:

— Ждать с моря погоды...

— Возьми себя в руки! — сказал Григорий.

В эту ночь им не спалось.

— Как скоро за нами могут прилететь, Гриша? — спросил Борис. Он лежал ничком на цветах.

— Не раньше, чем через месяц, — ответил Григорий. Бориса он понял: в экспедиции поймут, что с ними что-то стряслось, прилетят на выручку. Но времени уйдет не меньше месяца.

— Не выдержу... — угрюмо сказал

Борис.

Григорий ничего не ответил.

— Не выбраться нам отсюда! — заговорил Борис, приблизив белеющее лицо к Григорию. — Чувствую, как за мной наблюдает что-то огромное, миллионоглазое, изучает, щупает, читает мысли. Может убить, может помиловать, оставить вот так, в плену, забыть обо мне. Лучше тысячу раз погибнуть в космосе, врезаться в астероид — там все понятно. Но быть беспомощным кроликом... не выдержу, Гриша.

— Спи, — коротко ответил Григорий.

Борис уткнулся в руки лицом. Слышно было его тяжелое взволнованное дыхание. Григорий не мог утешить товарища. Он тоже видел безвыходность положения, жуть, окружавшую их со всех четырех сторон. В темноте все так же кружили призраки, подходили к ним, ложились бесшумно рядом — каждые двенадцать минут. Григорий пытался не глядеть в темноту, но у него уже сложился этот двенадцатиминутный ритм. Григорий открывал глаза и вздрагивал всякий раз, когда очередной двойник склонялся над ним. Действительно, можно рехнуться. Собрав всю волю, Григорий приказал себе: спи!

Кажется, ему удалось вздремнуть. Но тут же едва слышный шорох разбудил его. Открыв глаза, Григорий увидел, как поднялся Борис и стоял на ногах, резко чернея на фоне звезд. Потом пошел в темноту.

— Боря! — окликнул его Григорий.

Не отвечая, Борис ускорил шаги. Григорий вскочил и кинулся вслед за ним. Оба они запомнили, где лежит нейтронный пульсатор, — у крайнего угла мраморной лестницы, — и теперь бежали туда, один в десяти шагах от другого. Григорий догнал Бориса, когда тот, опустившись на корточки, шарил в цветах. Оружие они схватили одновременно.

— Не смей!.. — прошипел Григорий.

— Уйди! — угрожающе ответил Борис.

— Боря!.. — пытался успокоить

друга Григорий.

Борис крутил ему руку, пытаясь вырвать пульсатор.

— Размозжу... это гнилое яйцо... — бормотал он. — Пусти!

— Рожков! — крикнул Григорию, толкнул товарища в грудь.

Борис покачнулся, ослабил руку. Григорий вырвал пульсатор и, размахнувшись, швырнул его в податливую темноту космовокзала.

— Назад! — сказал он Борису, рванувшемуся было в здание. — Приди в себя!

Борис как ребенок всхлипнул, обмяк, дал себя увести от ступеней вокзала.

— Обоим нам нелегко, — говорил Григорий. — Ну, подумаем, что можно сделать.

Они заснули, примиренные, прижавшись друг к другу.

Григория разбудил Борис незадолго до рассвета:

— Гриша...

Тот бесшумно поднялся, сел.

— Что-то изменилось, — сказал Борис. — А что — не пойму.

— Перестало звенеть! — сказал он.

108

— Правда, — согласился Борис. — К чему это?..

Они просидели до рассвета, вслушиваясь в бесконечную тишину.

Рассвет не принес никаких изменений: слонялись двойники по полю, боролись возле ступеней за нейтронный пульсатор, потом, примирившись, шли через поле к ним. Борис скрипнул зубами.

Григорий, чтобы отвлечь товарища, начал было читать из русской старинной басни:

— Волк, ночью, думая залезть в овчарню, попал...

Но Борис глянул ему в глаза, и Григорий смолк: остроты не получалось. Да и сам чувствовал, что фальшивят. Ему ли острить — Борис моложе его, весельчак в компаниях среди космонавтов, на Земле — рубаха-парень. Не его вина, что попал в такую странную переделку. Здесь нужны психологи, физики, а Борис — просто механик. Но если здоровый нормальный че-

ловец до такой степени скис, то все это очень плохо. Григорий посмотрел па тупое, бессмысленное кружение двойников — хуже и не придумаешь.

Тяжело Борис поднялся с цветов — просто так, чтобы не глядеть на очередную возню у ступеней вокзала. Григорий поплелся за ним. Па пути у Бориса встали морские валуны — никто из друзей не помнил, чьим воображением они здесь поставлены.

— Сгинь! — пнул ботинком один из них.

Камень исчез. Космонавты остановились. У обоих захватило дыхание: сон или конец кошмару?.. Борис медленно обернулся к Григорию. Тот глядел на место, где лежал первый камень. Там были цветы. Только цветы. Медленно Борис поднял ногу на второй камень:

— Рушь! — пнул что было силы ботинком.

Камень исчез.

— А-га-а!.. — заорал Борис, вкладывая в голос торжество и надежду. Уперся взглядом в ракету, стоявшую возле космовокзала: — Рушь!..

Ракета исчезла.

— Рушь! — обернулся к клумбе цветущих флоксов.

Флоксы испарились, будто их не было. Борис захлебнулся в восторге. Но тут же набрал в грудь как можно больше воздуха:

— Рушь! — гаркнул на кособокий театр.

Театр беззвучно рухнул.

— Ру-ушь! — вскинул кулаки Борис на здание космопорта.

Мраморный красавец дворец исчез. В блеске солнца на его месте встала их родная ракета.

— Бежим! — крикнул Борис Григорию. — побыстрей, черт, тебе говорю! — Сделал к ракете два-три гигантских шага. Но тут же остановился: — Рушь!.. — крикнул свирепо многоквартирному дому.

Дом покачнулся, исчез.

— Ух ты! — радостно вскрикнул Борис. И — Григорию: — Шире шаг!

Уже возле ракеты обернулся и уничтожил все корабли, маячившие на

горизонте. Оставил только аллею из тополей и бестолково кружившихся по полю двойников.

— Подъем!

В последний момент Григорий едва успел нагнуться, поднять единственный сорванный ими цветок.

— К чертям! — говорил Борис, запуская моторы. — Ни одной лишней минуты, иначе эти быдлы, — показал в иллюминатор на двойников, — полезут в ракету. Где их тут размещать?.. — В привычной обстановке юмор возвращался к нему. — Старт!

— Но все же — как с ними быть? — спросил Григорий.

Пусть остаются. На память.

— И тополя?

— И тополя тоже!

Когда через час на прощальном витке космонавты пролетали над этим местом, внизу не было ни аллеи, ни призраков. Только синий спокойный луг.

— Еще одна загадка планеты, — сказал Григорий.

— Пусть ее разгадывают другие, — буркнул Борис. — Не я...

Однако, отоспавшись, придя в привычное равновесие. Борис почувствовал, что с вопросами ему одному не справиться. Вахта тянулась медленно, а число вопросов росло, точно снежный ком. Видя, что Григорий не спит, постучался в его каюту.

Григорию лежал на кровати, сумерничал без света.

— Гриша, — спросил Борис, поняв, что минута для разговора удачная. — Сколько мы пробыли на планете?

Григорий пожал плечами, не понимая, зачем это потребовалось Борису.

— У меня тут расчет, — продолжал Борис. — Очень простой: восемь часов облета и на планете двое суток по шестнадцать часов — тридцать два. Сколько всего?

— Сорок, — ответил Григорий.

— А нам на обследование планеты сколько было дано?

— Сорок часов...

— Прикинь — совпадение это или нет?..

— Что ты хочешь сказать? — спросил Григорий.

— Кто-то знал на планете точно, сколько нам дано времени.

Григорий молчал. Борис присел к нему на кровать:

— Помнишь, мы говорили об эк-замене?

— Помню.

— Ты и сейчас так думаешь?

— Может быть...

— Что значит «может быть»? От-вечай прямо.

— Я все время об этом думаю.

— И до чего дошел?

— Странные вещи приходят в го-лову.

Борис с интересом ждал.

— Все, что мы... создали там — другого слова не подберу — космовокзал, театр, — заговорил Григорий, — было создано мыслью. И разрушить его можно было только мыслью...

— И мы до этого не додумались...

— Не додумались, Борис.

— Надо было подфутболить камни сразу же, как очи появились.

— Надо было, ты прав.

— А мы смаху ломались в стену...

— Глянуть со стороны — это вар-варство.

— Такое впечатление после себя и оставили.

— Неважное впечатление.

Борис помолчал, ему было стыдно за случай с пульсатором. Чтобы переменить разговор, он спросил о другом:

— А двойники? Кому они понадо-бились в таком числе?

— Может быть, чтобы лучше изу-чить нас...

Борис не согласился с этим пред-положением, но своего объяснения у него не было. Он спросил:

— Считаешь, что у нас вышло плохо?

— Тем, кто придет после нас, будет легче...

Борис хотел уходить, но Григорий, поднявшись с подушки, сказал:

— Погаси свет.

Борис погасил. Когда глаза начали

привыкать к темноте, он увидел на столике, где лежал синий цветок, слабо светящееся пятно.

— Что такое? — спросил Борис.

— Погоди еще, — ответил Гри-горий.

Спустя минуту, Борис различил синий цветочный венчик и над ним клубящийся шар, величиной со среднее яблоко.

— Это я увидел сегодня, — сказал Григорий. — До сих пор цветок был в шкафу.

Можно было заметить, что шар над цветком вращается.

— Альбаросса! — сказал Борис.

— Цветок вспоминает планету.

— Ты говоришь о нем, как о жи-вом...

— Я говорю больше: вся планета была живая — один мыслящий мозг.

Через несколько дней шар умень-шился до размеров сливы, потом вишни, потом горошины и исчез совсем.

Одновременно умер цветок. Пре-вратился в горстку серого пепла.